

Возвращаясь в военный лагерь, они застали полдень: солдаты на тренировочном плацу как раз разоружились и отправились на обед. Проходя мимо, Цзян Жао не удержалась и задержала взгляд на снаряжении.

Взгляд скользил по аккуратно расставленным на стойках мечам, копьям и алебардам. Чуть поодаль виднелись мишени, помосты для поединков и трибуны для зрителей. Всё было именно так, как она и представляла себе военный лагерь. Стоило ей отвести взгляд, как она тут же с размаху врезалась в Мужун Миня.

Словно прочитав её мысли, он спросил:

— Хочешь взглянуть поближе?

Цзян Жао хотела было отказаться, но, вспомнив, что в палатке всё равно делать нечего, легко согласилась.

Оказавшись внутри, она ощутила совсем иную атмосферу. Пройдясь по кругу, они дошли до места для стрельбы из лука. Она засмотрелась, и вдруг за спиной раздался голос Мужун Миня:

— Хочешь попробовать?

Цзян Жао удивилась: с чего это он вдруг стал таким серьёзным? Ведь поначалу он только и делал, что дразнил её «девушкой». Но, впрочем, неважно. Глядя на лук, она почувствовала, как чешутся руки — этот инструмент был куда серьёзнее тех игрушечных луков, из которых стреляют по шарикам.

Это был первоклассный лук Цзинью, сделанный из упругого и твёрдого рога гигантского быка, покрытый позолотой и украшенный резьбой в виде пяти летучих мышей. Тетива, сплетённая из воловьих жил, отливала тусклым блеском. Лук был тяжеловат — для закалённого воина в самый раз, но для хрупкой Цзян Жао он оказался непосильной ношей. Она изо всех сил подняла его, приложила стрелу, прицелилась и выстрелила, но попытка с треском провалилась. Стрела не пролетела и пары шагов, просто упав на землю.

Цзян Жао замерла. Неловко-то как.

Позади послышался тихий смешок — не насмешливый, а скорее чарующий и полный скрытой нежности. Цзян Жао почти решила, что ей послышалось. Вдруг она почувствовала, как за спиной возникла мужская фигура. Он не прижимался вплотную, сохраняя дистанцию, что выглядело удивительно галантно.

Цзян Жао догадывалась, что последует дальше. И точно: в следующее мгновение её обхватили широкие руки. Мужун Минь перехватил её ладони, лежащие на рукояти и тетиве. В этой двусмысленной позе он наклонился к самому её уху, и его голос, низкий и бархатный, прозвучал неожиданно мягко:

— Выпрями спину, слегка расставь ноги. Держись за рукоять, но не слишком крепко, расслабься.

Он продолжал давать указания, но Цзян Жао, честно говоря, так разволновалась, что пропускала половину слов мимо ушей.

— При прицеливании линия взгляда должна совпадать с линией стрелы, сосредоточься на цели, — продолжал он.

Заметив её напряжение, он снова повторил:

— Расслабься.

Цзян Жао тихо кивнула, издав невнятное мычание.

— Когда будешь выпускать стрелу, отведи руку назад. Старайся тянуть тетиву на выдохе.

Всё было готово. Мужун Минь помог ей совершить движение, и прежде чем она успела что-то сообразить, стрела с тихим свистом сорвалась с тетивы. Раздался глухой стук — точно в яблочко.

Хоть она и понимала, что это заслуга Мужун Миня, но ведь и её руки лежали на луке! Она от радости подпрыгнула:

— Здорово! Надо же, попали!

Осознав, что она ведёт себя слишком бурно, она осеклась, но её отношение к Мужун Миню заметно потеплело. Она улыбнулась ему:

— Спасибо, что научил. Если в будущем будет что-то, чего ты не умеешь, спрашивай меня — может, я как раз это и знаю.

Мужун Минь приподнял уголок губ:

— О? А в шахматы играть умеешь?

— Конечно! Хочешь, научу?

Цзян Жао согласилась, даже не задумываясь. В чём-чём, а в шахматах она была уверена: с детства обыгрывала всех в школе, а на городских соревнованиях и вовсе заняла первое место. Она уже представляла, как будет наставлять его, но, войдя в палатку и сев за стол, она опешила. Доска была сложной, а фигуры — совсем не такими, к каким она привыкла.

Она окончательно растерялась. Мужун Минь с интересом наблюдал за ней, его губы были слегка изогнуты в очень красивой, но слегка дразнящей улыбке:

— Ну же, учи меня!

Цзян Жао не стала строить из себя знатока и честно призналась:

— В ваши шахматы я не умею.

— О? — он сидел напротив, перебирая в пальцах фигурку. — Неужели в этом мире есть и другие виды игры?

Цзян Жао осенило: конечно, в другом мире всё должно быть иначе. Она села за стол:

— Конечно. У нас их много, и правила совсем простые.

— Вот как? — хмыкнул он. — Если представится случай, покажешь мне свою родину?

Цзян Жао замерла. Хотя это было невозможно, она не хотела портить ему настроение и кивнула:

— Хорошо, если будет шанс — обязательно. У нас там много интересного.

— Рассказывай.

Видя его искренний интерес, Цзян Жао разоткровенничалась:

— У нас есть дома высотой в сотни этажей, на улицах полно всяких машин, есть парки аттракционов... Ты знаешь, что такое аттракционы? А ещё там столько вкусной еды...

— ...

— И даже если люди находятся за тысячи километров друг от друга, они могут общаться по мобильному телефону.

Мужун Минь слушал очень внимательно. Его опыт подсказывал, что всё это звучит неправдоподобно, но, видя, как увлечена Цзян Жао, он безоговорочно верил каждому её слову, представляя, что это за мир такой.

Когда она заговорила о телефоне, он вдруг помрачнел, и в памяти всплыли тёмные воспоминания. Она ушла, не сказав ни слова, не оставив даже письма. Просто исчезла на целых три года. Если бы такая вещь, как телефон, существовала на самом деле, почему она не связалась с ним?

Он спросил:

— Неужели телефон и правда может связать людей на расстоянии тысячи ли?

Цзян Жао кивнула:

— Конечно! Можно не только услышать голос, но и увидеть человека. Чудесно, правда?

— Чудесно, — отозвался он. — Ну что, мы будем играть или нет?

Она спохватилась, что так и не умеет играть. Мужун Минь сделал ход и предложил:

— Я немного знаю правила. Может, будем учиться в процессе?

— С радостью!

Цзян Жао была только за. Хотя правила отличались, логика игры была схожей, и благодаря своему опыту она быстро всё схватила. К её удивлению, всего за одну партию она освоила основы — невероятно быстро. Заметив, как он тихо посмеивается, она поняла: училась она быстро лишь потому, что учитель был хорош. А говорил, что не умеет!

Она лишь молча вздохнула: отличники везде одинаковы. Освоившись, она начала выигрывать партию за партией, и в какой-то момент даже засомневалась: не поддаётся ли он? Но, глядя на его задумчивое лицо, она отбрасывала эти мысли. Неужели я настолько хороша?

Азарт взял своё, и они просидели за игрой до самой ночи. После поспешного ужина они продолжили партию. В палатке горела Лампа Вечного Огня, фитиль изредка потрескивал. Они сидели друг напротив друга, а между ними лежала доска, где уже разыгралось с десяток ходов.

Цзян Жао сжимала чёрную фигуру, колеблясь. Мужун Минь, напротив, полулежал у кушетки, прикрыв глаза и задумчиво вертя в пальцах маленькое резное белое нефритовое кольцо, словно уже держал победу в руках.

Цзян Жао занервничала. Дело было не в проигрыше, а в том, что она обещала исполнить желание того, кто победит. Днём она так легко выигрывала, что совсем потеряла бдительность и согласилась, уверенная, что повторит свой успех. Она даже придумала, что попросит сама. Ей нужно было выбраться отсюда и найти Мужун Цзюэ — в конце концов, он главный герой, а она не может вечно крутиться вокруг второстепенных персонажей.

Но теперь она зашла в тупик. Мало того, он, казалось, просчитал все её ходы наперёд. Видя, что её армию вот-вот разгромят, Цзян Жао наконец поняла: днём он ей поддавался, чтобы она расслабилась и попала в ловушку. Она-то думала, что она охотник, а оказалась жертвой.

Ситуация была критической. Мужун Минь наверняка загадает что-то немыслимое. У неё в голове всплыли самые непристойные картинки. Всё пропало...

Гладкий, холодный камень в ладони неприятно охлаждал кожу, но ещё сильнее тревожилось сердце. Она торопилась, а в шахматах это худшее, что можно придумать. Чёрно-белые переплетения линий на доске сливались в вихрь, и у неё начала пульсировать висок. Она нахмурилась и подняла взгляд.

Свет свечей дрожал в её зрачках и отражался на маске, скрывавшей верхнюю часть лица мужчины. Его тонкие губы были плотно сжаты, лицо казалось холодным и отстранённым, словно горный снег или лезвие меча. Нельзя было отрицать: даже под маской было ясно, что мужчина невероятно красив. Если бы он вышел в город, за ним бы ходили толпы.

Мужун Минь, будто почувствовав её взгляд, чуть приподнял губы, одарил её насмешливым взглядом и снова опустил глаза на доску. Цзян Жао заметила, что на его длинных пальцах повязана красная нить — очень приметная.

— Десять на девять, — тихо произнёс он.

Его голос звучал с нескрываемой иронией. Она вздрогнула и машинально подчинилась: белая фигура легла точно на указанное поле. Это был блестящий ход. Ситуация на доске мгновенно изменилась: белые, которые были почти разбиты, внезапно ожили. Это был настоящий переломный момент.

Цзян Жао долго смотрела на доску. Раньше она слышала от учителей, как захватывающе переворачивать ход игры одним ходом, но не понимала этого, пока не прочувствовала сама. Мужун Минь тихо рассмеялся: малышка была довольно милой.

Цзян Жао очнулась, чувствуя, как к лицу приливает жар. В следующий раз Мужун Минь не стал ей подсказывать. Он повёл чёрных в атаку, и белые оказались в окружении. Поражение было неизбежно.

Цзян Жао нахмурилась, глядя на проигрышную позицию, бросила оставшиеся тёплые фигуры в чашу и собралась улизнуть. Но стоило ей резко встать после долгого сидения, как голову повело. Она пошатнулась, задела стол — раздался грохот рассыпавшихся фигур. В полузабытии она попыталась ухватиться за что-то, и в следующее мгновение Мужун Минь прижал её к кушетке.

От резкого движения фигурки рассыпались по всему ложу. Спинай она наткнулась на них и охнула от боли, инстинктивно вцепившись в одежду Мужун Миня и выгибаясь, чтобы не касаться камней.

Мужун Минь усмехнулся:

— Такая инициатива... Не боишься, что я не сдержусь?

Цзян Жао замерла. Придя в себя, она поспешно вскочила и, словно спасаясь бегством, бросилась в свою палатку.

<http://bllate.org/book/22260/2329801>